

ДРАМАТУРГИЯ ПЕДАГОГИКИ

Ленская Е.А., кандидат педагогических наук, декан факультета менеджмента в сфере образования Московской высшей школы социальных и экономических наук

Аннотация. Много претензий сегодня в обществе к системе подготовки будущих учителей: образовательные программы в вузах устарели, качество преподавания хромает, низкий уровень мотивации и эмоционального интеллекта будущих педагогов...И как итог – учитель в школу приходит неподготовленный и не умеющий работать с детьми... Или не приходит вовсе, меняя свою квалификацию на последнем году обучения в педвузе. Пути решения этих проблем существуют, хоть и медленные, и порой не очевидные для многих чиновников, но явные для тех, кто живет школой и не может равнодушно воспринимать происходящее.

Annotation. Many claims today in society to the system of preparation of future teachers : the educational programs in institutions of higher learning became antiquated, teaching quality limped, low level of motivation and emotional intellect of future teachers.And as a result - a teacher in school comes unprepared and not able to work with children. Or does not come quite, changing the qualification on the last year of educating in pedagogical institution of higher education. The ways of decision of these problems exist, though and slow, and at times not obvious for many officials, but obvious for those, who lives by school and can not indifferently perceive what be going on.

Е. Терешатова. *Как вы оцениваете состояние российской системы педагогического образования сегодня?*

ЛЕНСКАЯ Е.А. На мой взгляд, система педагогического образования сегодня неэффективна по нескольким причинам. Содержание обучения студентов очень мало менялось на протяжении последних 70 лет. Я знаю случаи, когда студенты и по сей день занимаются по учебникам, написанным в 40-е годы прошлого века. Эти учебники, конечно, немного переписывались, слегка адаптировались, но суть их осталась почти неизменной. Наше общество шагнуло далеко вперед, в будущее, а педагогическое образование продолжает буксовать на уровне середины XX века, что, на мой взгляд, недопустимо.

Мы очень мало внимания уделяем той изменившейся среде, в которой сегодня живет ребенок, возможности этой среды мы не учитываем и не используем при обучении.

Педагогическое образование перегружено знаниями, а вот умениям, которые понадобятся молодому педагогу, едва он войдет в класс, уделяется гораздо меньше внимания. Но формировать такие умения можно только в процессе работы. Сейчас педагогическая практика стала более длительной, но спросите студентов, чему они в это время учатся, –ответ будет очень неопределенным. Сегодня почти все, что дается в виде лекций, можно прочитать в интернете, в библиотеке, еще где-то, а умениям вести работу в классе, поддерживать дисциплину, мотивировать детей, работать не транслятором знаний, а помощником в их приобретении у нас почти не учат.

В образовании есть технологии, которые уже давно применяются во всем мире, о которых мы знаем, но которые крайне медленно проникают в наше педагогическое образование. Например, очень большое количество наших учителей страдает тем, что они не умеют контролировать собственные эмоции и, тем более, не умеют замечать эмоции детей, порой очень сильно ранив учащихся, не по злобе, а просто потому, что не задумываются над тем, что они говорят и как на их слова реагируют дети. В одном журнале я прочитала такую историю. Одна из наших известных киноактрис, уже будучи взрослой, подклеивала свои уши скотчем, потому что как-то учительница, не желавшая ничего плохого и прекрасно к ней относившаяся, посмотрев на рисунок ее одноклассника, сказала: «Ой, какая у тебя смешная вазочка получилась, у нее ручки, как ушки у Женечки!» И после этого бедная Женечка долго подтягивала уши скотчем, хотя никто этого недостатка реально в ней не замечал.

А уж сколько подобных случаев я лично наблюдала или слышала от родителей... До сих пор, когда заходишь в школу во время уроков, можно услышать крик педагога, который таким образом налаживает дисциплину в классе или отчитывает нерадивого ученика! Есть курс, который так и

называется: «Воспитание эмоционального интеллекта» или «Эмоциональная компетентность», и мы проводим его с учителями потому, что эти навыки можно сформировать. И педагоги-практики за него особенно благодарны: они возвращаются после обучения в школу и обнаруживают, что если следить за своими эмоциями, то обстановка в классе чудесным образом меняется и можно работать гораздо лучше.

Как я уже сказала, у нас увеличилось количество часов практики в школе, а всегда считалось, что чем больше времени будущий педагог проводит «в полях», тем легче и лучше он потом будет работать. Но в нашей сегодняшней ситуации оказалось, что это не совсем так. Есть одно исследование, в котором приводятся свидетельства того, что многие студенты педвузов, которые вначале выражали желание работать в школе, пересматривают свою позицию именно после продолжительного пребывания в школе во время практики. Дело в том, что там они впервые столкнулись со школьными реалиями и они их сильно испугали. Когда они приходили туда на неделю, они многого не успевали заметить. А вот когда они стали проводить там по несколько недель, их мнение о работе учителя сильно менялось, и не в лучшую сторону. Поэтому, на мой взгляд, тут важно действовать с двух сторон: с одной стороны, практика, конечно, нужна, а с другой – нужно что-то менять в школе, чтобы учитель не убегал в ужасе от того, что ему там предстоит.

Пугает бюрократизация в школе, количество отчетов, количество различных «ритуальных» действий, которые надо совершать в ущерб самому процессу обучения детей, – это то, что педобразование не сможет «вылечить» в одиночку.

В Англии, например, количество часов педпрактики довели почти до 100%, потому что еще несколько лет назад там провели достаточно резкую реформу, когда половину времени обучения студент проводил в школе, а вторую половину – в вузе. А сейчас они в 60% случаев проводят 100% времени в школе, но вузовские профессора приезжают в школы специально, чтобы преподавать теорию, причем их лекции должны быть не абстрактными, а

привязанными к контексту, в котором работает данная школа. Жизнь покажет, насколько такая радикальная реформа оказалась продуктивной. Нам пока рано делать такие резкие шаги, но плотное сотрудничество школы и вуза необходимо, причем школы должны принимать участие в выработке содержания программы: не на бумаге, а в реальности – им ведь виднее, что должны знать и уметь преподаватели.

Е. Терешатова *Вы говорили о курсе обучения эмоциональному интеллекту при работе с детьми... На ваш взгляд, такой корректности можно обучить?*

ЛЕНСКАЯ Е.А. Можно научить замечать свои собственные эмоции, ведь люди их очень часто совсем не осознают. Пришла учительница на работу, поругавшись накануне с мужем, и весь свой негатив «вылила» на детей в классе. Вот обращать внимание на то, как ты себя ведешь в эмоциональном плане, – первый признак эмоциональной компетентности. Умение назвать свою эмоцию, которую человек испытывает в данный момент, – гнев, раздражение, скука и т.д. – тоже важное качество. Еще важнее уметь заметить эмоцию ребенка, которую он испытывает после той или иной вашей реплики или поступка, научить детей не поддаваться эмоциям, принимая важные решения и противостоять манипуляциям. Конечно, идеально обучить педагога за короткий курс невозможно, мы все всё равно ошибаемся, но эмоционально компетентный человек эти свои ошибки замечает и пытается их каким-то образом сгладить. Такие курсы у нас есть и для педагогов, и для директоров школ. Например, мы работали со школьными командами на Кавказе, где эмоции часто зашкаливают, кроме этого, у нас есть программа и пособие по работе с детьми. Лучшей благодарностью за всю мою работу было письмо от одного мальчика из кавказской школы, в котором он написал мне: «Я научился управлять собственным гневом».

В зарубежных странах такие же проблемы с эмоциональным интеллектом, только у них такие курсы есть везде и в обязательном порядке.

Е. Терешатова. *Вы перечислили столько проблем в системе педагогического образования... Какие надо решать в первую очередь?*

ЛЕНСКАЯ Е.А. Начинать надо с образовательных вузовских программ, с насыщения этих программ практическими умениями, возможно, за счет уменьшения доли теоретического материала, который не всегда пригождается в жизни.

Но хочу предостеречь против того, чтобы пытаться одновременно изменить содержание во всех вузах сразу. В нашей огромной стране делать единую образовательную программу, которая бы использовалась во всех вузах, крайне опасно. И в больших странах так нигде не делают, когда меняется содержание, всегда есть несколько моделей программ, по которым учатся в разных вузах, мы не можем заранее знать, что именно сработает, пробовать надо разные варианты.

Еще одна большая проблема, по-прежнему требующая решения, – бюрократизации образовательного процесса. Когда смотрю на вузовские стандарты, в соответствии с которыми мне время от времени приходится заполнять документы, я вижу, что 90% этой писанины абсолютно никому не нужно, а некоторые требования в стандартах и подавно являются нарушением интеллектуальной собственности преподавателя. Поэтому, на мой взгляд, планировать то, что вы собираетесь делать важно, но издавать обширные талмуды... например, пресловутые образовательные результаты, которые откуда-то из справочника выписываются... они все правильные, ничего плохого в них нет, но они не работают, люди их вписывают, потому что от них этого требуют, а на практике ничего не меняется. Все, например, пишут про то, что используют интерактивные методы, а идешь по коридору вуза – во всех аудиториях что-то говорит преподаватель, а студенты только слушают.

Такое обилие писанины – это тоже тормоз инноваций в педобразовании, потому что каждый новый курс нужно сначала обкатать, но прежде нужно написать не менее ста страниц программ, причем к тебе будут придирааться из-за каждой запятой – вот педагогу и проще все делать по старому. Это беда не только педагогического образования, но и всего нашего высшего образования..

Е. Терешатова. *Насколько сегодняшние выпускники школ, которые идут в педагогические вузы, готовы к этой профессии, на ваш взгляд? И какими качествами должен обладать современный педагог?*

ЛЕНСКАЯ Е.А. Сегодня некоторые педагогические вузы принимают выпускников школ с 60 баллами даже по профильному предмету ЕГЭ. Это нижняя граница «четверки». На мой взгляд, этих знаний, даже базовых, недостаточно для того, чтобы стать хорошим педагогом. Педагог должен обладать определенным объемом общей культуры и знать свой предмет так, чтобы заинтересовать им своих учеников, а если он с трудом освоил азы программы, то он с этой задачей не справится.

У педагога должен быть интерес к работе с детьми, и хорошо бы, если бы он этот интерес мог подтвердить. Например, выпускник, который идет в педагогическую профессию, до этого много занимался с детьми, вел кружки, был вожатым и т.д. В свое время у нас было много форм межвозрастного взаимодействия, сегодня многие из них ушли вместе с пионерской организацией. А такой опыт очень важен, в Финляндии, например, где подготовке учителя уделяют огромное внимание, при поступлении в вуз просят предъявить портфолио, подтверждающее, что он умеет и любит работать с детьми, так как такая мотивация – залог успеха работы в школе. Впрочем, боюсь, что, взяв такую стратегию на вооружение, мы начнем требовать килограммы бумаг уже на старте и окончательно отобьем охоту идти в педагоги.

Мне бы хотелось, чтобы педагог обладал общей культурой, много читал, смотрел хорошие фильмы, разбирался в искусстве, ведь тогда он сможет развивать интерес к культуре и в детях.

Также очень важно, чтобы педагог был эмоционально компетентен. Предрасположенность к этому выявляется в ходе собеседований, и это не так трудно выяснить. Очень важное качество – критическое мышление, которое у нас, увы, пока часто упоминают, но не развивают. Часто разные люди вкладывают в этот термин разные смыслы, но для меня самое главное, чем

должен обладать человек, считающий, что он умеет критически мыслить, – это способность понимать, что на один вопрос может быть несколько правильных ответов, и допускать, что ребенок может дать свой ответ на вопрос, который может оказаться правильным. Потому что учитель-догматик требует от ребенка ответа, который только учитель признает правильным, и никакого другого. А если мы хотим воспитать людей мыслящих, то это очень опасно.

Е. Терешатова. Вы много общаетесь с педагогами, о чем они, по вашим наблюдениям, чаще всего говорят, что их больше всего беспокоит? Современные дети, отношение в обществе к профессии, к школе, зарплаты, что-то еще?

ЛЕНСКАЯ Е.А. Больше всего учителей беспокоит то, что им не дают полноценно заниматься собственным делом, заставляя писать отчеты, заполнять бумажки и т.д. Не так давно наш премьер-министр затрагивал это вопрос, говоря, что не Минобрнауки заваливает школы отчетностью, а какие-то другие организации. Позвольте не поверить! Региональные министерства конечно сильно «долбят» своих подчиненных разными запросами, но они-то как раз уверяют, что к ним с этими запросами обращается федеральное министерство...

И получается такая дурная бесконечность: федеральное министерство задало какой-то вопрос, региональное тут же запросило ответ в школах, добавив еще пару вопросов «на всякий случай, а вдруг спросят», а директор посадил заполнять бумаги учителей... На конкурсе «Директор школы» в 2013 году в Общественной палате РФ учитель русского языка и литературы московской школы № 57 Сергей Волков читал чудесную лекцию о том, как учителей заставляли писать план, состоящий из 12 граф, всех занятий на год вперед и с домашними заданиями. Ему одна из учительниц сказала: «Не знаю, что писать в 12-й графе», на что он ответил: «А я не знаю, что писать и в остальных одиннадцати!». Это ужасная глупость! Ну как можно знать заранее, какое задание надо будет задать почти через год?

И это бич не только нашей системы образования. Я совсем недавно разговаривала с педагогами, обсуждалась поездка в Сингапур, и они рассказывали, что там специально работают с этой бюрократической нагрузкой: там стали брать дополнительный административный штат для того, чтобы учитель занимался только детьми. Недавно услышала о директоре московской школы, который поступил так же.

С зарплатами по стране ситуация очень разная в зависимости от региона. Учителя в основном жалуются на несправедливое распределение зарплат. НСОТ породил большое количество жалоб и ссор в коллективе, и есть мнения в педсообществе, что лучше бы НСОТ и вовсе не было, если надбавки, например, начисляются учителям только за то, что они несколько раз сходили на какие-то совещания или олимпиады. Что это дает ученикам? Дает ли хоть что-нибудь? Непонятно!

Ведь для чего разрабатывался НСОТ? Для того, чтобы поощрять учителей, которые добиваются лучших результатов. Но как измерять эти лучшие результаты, мы пока еще не знаем наверняка, и каждая школа изобретает свои измерители. А в результате очень часто все это заканчивается конфликтами.

Еще одна неприятность, связанная с зарплатой, – это ее снижение, тогда как всех уверяли, что она увеличилась. В Москве, например, базовый оклад действительно увеличился, но во многих школах все надбавки были сняты, и работу, которые учителя раньше делали за деньги, теперь делают бесплатно. В результате учителя получают меньше, и намного.

У меня лично очень много близких родственников, которые работают в школах, и много внуков, которые сейчас в школах учатся, и я как-то не заметила большой радости в своей семье по поводу повышения зарплат педагогам.

Е. Терешатова. *Ваш образ идеальной школы?*

ЛЕНСКАЯ Е.А. Есть несколько представлений, что такое школа. Либо школа копирует общество и подстраивается под то общество, которое мы

имеем, воспитывая граждан для него, и тогда сама школа идет всегда как бы в «хвосте» общества. Либо школа пытается строить то общество, которое она хотела бы видеть завтра. Я хотела бы, чтобы моя школа была именно такой. Я бы строила будущее, даже если оно входит в конфликт с окружающей меня ситуацией, это была бы миссия моей школы.

Если говорить о том, что демократия – это важно и хорошо, то она в первую очередь должна быть в школе: как в коллективе педагогов, так и в коллективе детей. Дети должны иметь реальное право голоса, и один из немногих, на мой взгляд, кто это действительно делал в своей школе, – Александр Наумович Тубельский. Он воспитывал те качества у людей, которые он хотел видеть в будущем, и кое-чему он их научил. Мой младший сын учился у Тубельского и был далеко не отличником, но самое главное, чему сын научился у него, – самому делать выбор и отвечать за себя и свои поступки. Я заметила, что выпускники школы Тубельского никогда не винят других в своих неудачах, как бы хотелось, чтобы этому научились все граждане моей страны!

В своей школе я не выделяла бы в отдельный кластер так называемых одаренных детей: сегодня мы не умеем определять одаренность ребенка. Простой пример – музыка. Казалось бы, где, как не в музыке, легко определить одаренность человека по простому критерию: наличие или отсутствие слуха. Ничего подобного! В Китае, например, все дети, имеют почти абсолютный слух! Почему? Да просто потому, что фонетика китайского языка заставляет обращать внимания ребенка на музыкальные тоны с младенчества. Так что понятие одаренности в музыке, оказывается, зависит далеко не всегда от врожденного таланта, и если у нас заниматься с каждым ребенком музыкой с раннего детства, то гораздо больше детей будут музыкально одаренными.

Мне гораздо больше интересны мотивированные дети, согласные жертвовать своим временем, чтобы чего-то добиться, вот таким детям надо дать возможность развивать свои таланты и свою одаренность, и желательно бесплатно.

В моей школе обязательно бы сотрудничали с родителями. У нас есть курсы для руководителей дошкольных организаций, где я провожу такое упражнение: прошу слушателей написать правила для родителей, из которых те узнали бы что-нибудь о жизни садика и что от них ожидается, но при этом обратиться к родителям уважительно, как к партнерам. И это оказывается для руководителей безумно трудным заданием, потому что все правила всегда сводятся к запретам.

С родителями нужно постоянно вести переговоры, а этому искусству у нас тоже не учат, и это тоже хорошо бы добавить в наше педагогическое образование. Порой, когда педагогов просишь встать на позицию родителей, они искренне не могут, хотя многие сами являются родителями. И вообще, педагогу надо всерьез учиться коммуникативным навыкам.

Моя школа работала бы с внешними партнерами, потому что мне очень странно, когда школа начинает обрастать функциями ей несвойственными. Например, когда-то в одном сибирском городе я видела школу, внутри которой существовала нормальная полноценная поликлиника, с исследованиями, диагностиками и т.д. Школа тогда получила грант и так его потратила. И я удивлялась, чем их соседняя поликлиника не устраивала и почему нельзя было просто договориться с ней об услугах, которые школе были нужны, передав им часть гранта. Это, конечно, крайности, но совместно решать задачи с разными структурами и службами очень важно.

Сейчас наконец, начинают оживать управляющие советы, они могут помочь школе найти нужных партнеров, и не только это.

В моей школе обязательно был бы театр. Я считаю, что педагогика – это в значительной степени драматургия. А кроме этого, подросткам очень важно выражать свои чувства, и школьный театр очень помогает в этом: дети играют в спектаклях, сами ставят их, сами пишут пьесы... И еще: дети проводили бы много времени за пределами школы – учиться ведь можно не только в классе.

Интервью «Директор школы» №7, 2016.